

Секция 3. ДИКТАТ И РЕПРЕССИИ В СФЕРЕ ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ

- Белова И. Б. Попытки формирования нового советского человека в среде бывших военнопленных и беженцев Первой мировой войны 289
- Посадков А. Л. Творцы духовного ГУЛАГа: редакции, издательства, литературные организации как инструмент тоталитарной идеологии и объект репрессий (на примере Сибири и Дальнего Востока 1928–1940 годов) 296
- Филимончик С. Н. Репрессии в отношении научной интеллигенции Карелии в 1930-е годы 304
- Солодовникова С. Л. Репрессии в отношении смоленских архивистов 313
- Арнаутов Н. Б. Образ «врага народа» в центральной периодической печати (декабрь 1934 – январь 1935 года) 320
- Проценко П. Г. Опыт сопротивления советскому тоталитаризму «человека Церкви» 329
- Кашль М. В. Судебные процессы над провинциальным духовенством и верующими 1918–1922 годов: характер, границы и степень репрессивного воздействия 338
- Леонтьева Т. Г. Конструирование образа врага как предыстория массовых репрессий духовенства (на материалах Калининской области, 1930-е годы) 350
- Бондаренко А. Ф. Репрессированные колокола России: 1920–1930-е годы 362
- Сосковец Л. И. Антирелигиозные практики в системе репрессивной политики сталинизма 369
- Секция 4. ЧЕЛОВЕК И РЕПРЕССИИ**
- Казанков А. И. Портрет террориста в перспективе 1937 года 379
- Чашухин А. В. Школьный учитель в эпоху позднего сталинизма как агент репрессивной политики 390
- Быкова С. И. «Время-тать»: представления жителей Уральского региона о масштабах и причинах террора в 1930-е годы 400
- Адлер Н. «Коммунизм внутри»: о верности партии до, во время и после ГУЛАГа 408
- Ферретти М. Сталинские репрессии и рабочие. Исследование одного дела 416

Секция 5. ПАМЯТЬ О РЕПРЕССИЯХ

- Безденежных Т. В. Проблемы хранения и использования архивно-следственных дел 437
- Жданова Г. Д. Проблемы обеспечения сохранности и использования судебно-следственных дел 444

Секция 6. СОПРОТИВЛЕНИЕ РЕЖИМУ

- Морозов К. Н. Тюремное сопротивление и борьба за полигрежим социалистов (1918–1930-е): сущность явления, формы и парадоксы 451
- Гусев А. В. Коммунистическая оппозиция: феномен, формы и методы сопротивления 461
- Непароков А. П. О формах сопротивления политических партий большевизму и сталинизму (на примере РСДРП) 469
- Анферьев И. А. М. Н. Рютин и судьбы участников «Союза марксистов-ленинцев», 1932–1937 годы 479
- Кобец О. В. Крестьянство Смоленщины против государственной политики в деревне, 1929–1931 годы 495
- Орлов И. Б. Искусство протеста: художник и книга в сталинских лагерях 503
- Макаров А. А. Молодежное сопротивление тоталитарному режиму, 1945–1953 годы 511
- Потапова С. А. Репрессированные музеи. (Очерк истории Центрального музея Каторги и ссылки) 520

Секция 7. ДИСКРИМИНАЦИИ КАК ПРОЛОГ И СОПРОВОЖДЕНИЕ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ

- Валуев Д. В. Социальные дискриминации в политике советской власти: возможности и перспективы исследования 529
- Бахтин В. В. Лишение избирательных прав (на материалах Воронежской области) 538
- Рябченко О. Л. «Исключить как социально-непригодный элемент». «Социально-чуждые» в высших учебных заведениях Украины (1920-е годы) 546
- Ялозина Е. А. Экспертные комиссии, проверкомы, тройки: практика «чисток» донского учительства в 1920-х годах 555
- Саламатова М. С. Адаптация «лишенцев» в советском обществе 563
- ANNOTATIONS 571

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3(2)

И90

И90 **История сталинизма: репрессированная российская провинция.** Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / под ред. Е. В. Кодина. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 599 с. — (История сталинизма. Дебаты).

ISBN 978-5-8243-1481-6

В сборник вошли материалы выступлений ученых, принявших участие в работе Международной научной конференции «История сталинизма: репрессированная российская провинция», прошедшей в Смоленском государственном университете в октябре 2009 г. В публикациях отражена разноплановая тематика конференции, призванной выявить провинциальные проекции сталинизма в различных сферах общественной жизни. В поле внимания авторов вопросы методологии исследований сталинизма, механизмы и ораны политических репрессий, диктат и репрессии в сфере культуры, влияние репрессий на индивида, специфика сопротивления репрессивному режиму и особенности социальных дискриминаций сталинизма, а также характер исторической памяти о репрессиях.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

Конференция состоялась и настоящее издание подготовлено
благодаря финансовой поддержке
Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-1481-6

© Коллектив авторов, 2011
© Кодин Е. В., научная редакция, 2011
© Российской политической энциклопедия,
2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сталинизм. Об этом историческом явлении XX века историки спорят уже не одно десятилетие. Написаны тысячи больших и малых научных работ. Еще больше публистики. Уже не раз делались попытки подвести хотя бы первые итоги исследований и дискуссий. Но каждый раз возникают все новые и новые вопросы, выявляются дополнительные «белые пятна». Приходят новые поколения ученых. Предлагаются новые методы исследований. Выдвигаются другие методологические подходы и концепции. И этот своего рода магический круг не разорвать. Сталинизм как предмет исследования своеобразным водоворотом втягивает в себя тысячи ученых десятков стран мира и не отпускает, не дает поставить все точки над i.

Еще 20 лет назад в уже далеком 1989 году на одном из заседаний методологического семинара под руководством профессора В. М. Селунской на кафедре истории советского общества исторического факультета МГУ была предпринята одна из первых попыток научного освещения проблем сталинизма, в частности режима личной власти Сталина. С тех пор учеными проделана огромная работа. Но тем для дискуссий не стало меньше.

За это время в изучение проблемы активно включились и региональные вузы России. Одним из них стал Смоленский государственный университет. Летом 1998 года на его базе была проведена большая международная научная конференция «Сталинизм в российской провинции». Организаторы поставили перед собой задачу сравнить позиции историков разных стран и методологических школ и направлений, исследующих российскую историю не столько на федеральном, сколько, и в первую очередь, на региональном уровне. Три дня напряженной работы позволили увидеть важнейшие исторические явления и события под несколько иным углом зрения: не через кремлевские документы только, а в их реальном преломлении и степени воплощения на местах.

Последние шесть лет в Смоленске велась серьезная работа по формированию региональной электронной базы данных жертв политических репрессий, издано семь томов «Смоленского мартиролога».

Это позволило Смоленскому государственному университету взять на себя ответственность по подготовке и проведению осенью

остальные получили по 9 лет. По этому же делу немногим позже был арестован и осужден священник Д. Родионов³.

В 1949 году в третий раз арестовали священника Знаменского собора г. Тюмени П. Фоменко, а в 1952 году был привлечен по ст. 58-10 настоятель Покровской церкви г. Ленинска-Кузнецка А. Поспелов. Список этот можно продолжать еще долго.

В декабре 1950 года Управлением МГБ по Томской области «была вскрыта существовавшая среди членов Томской общины старообрядцев антисоветская группа, активными участниками которой являлись священник Безматерных Григорий Федорович, уставщик церкви Братухин Филипп Васильевич, секретарь церковного совета Шарыпов Александр Семенович, а также бежавшие перед арестом и скрывавшиеся от следствия начетник Голубев Сильвестр Филиппович и Ушмалькин Никифор Агеевич. В течение ряда лет занимались антисоветской деятельностью, а с осени 1948 году оформили группу». Постановление на арест было выдано 4 января 1951 года. Приговор по группе был вынесен в апреле 1951 года. Священник Г. Безматерных (для него это уже был не первый арест) получил 25 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. Ему было на момент приговора 68 лет! То есть выйти из заключения он мог бы в 93 года, а потом еще 5 лет не иметь прав⁴.

Таким образом, борьба с религией, ее институтами и носителями была неотъемлемой частью дискриминационной и репрессивной политики советского политического режима.

Примечания

¹ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2538. Л. 133; Д. 3072. Л. 250, 84, 86, 251; ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 27. Л. 6–7.

² Архив УФСБ по Томской области. Д. 11 055. Л. 1–17.

³ Там же. Д. 6348. Л. 5–12.

⁴ Там же. Д. 10 800. Л. 499–513.

Секция 4

ЧЕЛОВЕК И РЕПРЕССИИ

A. И. Казанков (Пермь)

ПОРТРЕТ ТЕРРОРИСТА В ПЕРСПЕКТИВЕ 1937 ГОДА

Там чайльд-гарольды огородные –
На страх воронам и ворам,
Там вместо радио юродивый
Дает прогнозы по утрам.

A. Вознесенский

Ноктюрн

За окном было студено. апрель даже здесь, на самом юге Свердловской области, — зимний месяц.

Человек на больничной койке в сладкой полудреме ворочался под тонким казенным одеялом. Тупая ноющая боль в обмороженных пальцах ног не доходила до его сознания. Туда немногое доходило.

К вечеру палату протопили. В углах дощатого пола залегли густые тени. Остатки сгоревших дров упали в поддувало и рдели в золе сотнями искр, напоминавших Млечный Путь. Лежащий человек мог видеть нечто подобное в ледяной прозрачности августовского неба. Если бы, сворачивая с проселка в деревню на ночлег, вдруг остановился и посмотрел вверх. Он никогда не смотрел на звезды.

Человек был счастлив, насколько это возможно. На ужин он получил ломоть хлеба и кружку кипятку. Доктор Кузнецов — добрый. Здесь тепло и можно спать, сколько захочешь. Здесь его вымыли и остригли ручной машинкой. Завтра на обед дадут кашу. И этим покорен, теплом и сытостью он наслаждался уже семнадцатый день. Впрочем, он не умел считать даже до десяти.

В темноте человека было уже не разглядеть, но он наверняка продолжал улыбаться. Даже во сне по его детскому, лишенному мимических морщин лицу блуждала блаженная улыбка. Он спал сном праведника, и ему даже присниться не могло, что через три дня его выпишут, а еще через четыре — арестуют. Как участника мобильной боевой группы. Ведущего, к тому же, активную антисоветскую агитацию. Его хромая судьба окажется одной из ниточек, вплетенных искусными руками оперуполномоченных НКВД в зловещий клубок Уральского повстанческого штаба. Он вообще редко видел сны.

Когда-то давно избивавший мать пьяный отец выбросил его из люльки-качалки. На улицу через окно. Случись иначе, человек понял бы со временем, что только совестливость и верность долгу четырех врачей спасли его от пули в затылок.

Но он никогда не сможет этого понять — Севастьянов Петр Васильевич.

Деревенский дурачок.

Юродивый.

Клинический идиот в хорошем смысле этого слова.

Террорист¹.

Симфония

Перспектива бывает разной — прямой и обратной, линейной или нелинейной. В случае с Петром Севастьяновым велик соблазн начать с крупного плана. Нарисовать портрет одного из главных героев этой истории в перспективе «кулацкой операции». Причем сделать его как можно более живым — во всей своей трагикомичности и невозможной фантастичности (фантастической невозможности?). Для этого в двух томах архивно-следственного дела № 13 385 были выявлены все сведения, относящиеся к личности и судьбе человека, отпечаток большого пальца которого украшает ордер на арест. Ведь перед нами, буквально, «уходящая натура», представитель все реже встречающегося в ландшафте колхозной деревни антропологического типа — классический юродивый. Причем юродивый, превращенный в члена повстанческой организации.

Дело террористов из Чернушки «прозвучало». Еще бы, ведь о нем упомянули в директивном письме «Горкомам и райкомам ВКП(б)» тогда еще (и очень недолго — впоследствии) всесильный «хозяин Урала» — секретарь Свердловского обкома И. Д. Кабаков. В преамбуле сообщалось, что «за последнее время в области в целом ряде районов развивают активную контрреволюционную деятельность церковники и сектанты, которые наряду с попытками использования легальных возможностей новой Конституции перешли к острым формам контрреволюционной работы»².

И. Д. Кабаков высказывал опасение, что церковники и сектанты будут пытаться использовать совпадение Пасхи и Первомая для срыва первомайских праздников и «разворота сева». Далее следовала скромная фраза «В настоящее время установлены следующие факты», после которой перечислялись десятка два казусов. Чернушинский район упоминался дважды: «В Тагильском, Чернушинском, Кировоградском, Чermозском и др. районах за последнее время имели место открытия ранее закрытых церквей» и «В Чернушинском районе, возвратившийся из концлагеря, поп Калашников совместно с двумя другими попами организовал группу бродячего монашества из

семи человек, перед которой поставили целью совершать железнодорожные крушения, особенно с поездами, в которых будут ехать члены советского правительства».

В конце письма Кабаков делал резкий выпад в адрес подчиненных: «Районные комитеты партии антирелигиозной пропагандой, политической агитацией не занимаются, не знают, что делают церковники и сектанты в их районах» (выделено мною. — А. К.)³.

Это признание главного партийного начальника Урала вызывает недоумение. Из него явно следует, что секретари обкомов, отделы агитации и пропаганды «на местах», вкупе с Союзом воинствующих безбожников (и комсомолом — кстати) в начале 1937 года пребывали в состоянии, которое лексикон тех лет определял как «идиотское благодушие». Они не видели ни резкой активизации деятельности сектантов и церковников, ни острых форм контрреволюционной работы, практикуемых последними. И это после того, как все «действующие причины», определившие ситуацию, уже были налицо: новая конституция обсуждена и в декабре прошлого, 1936 года, принята. В январе прошла всесоюзная перепись населения, в анкете которой имелся вопрос об отношении к религии. Страна готовилась к первым всеобщим выборам, о чем именно в связи с актуальными задачами на «антирелигиозном фронте» говорил А. Жданов на февральско-мартовском пленуме ЦК: попы, мол, работают вовсю, а мы только раскачиваемся.

Исторические штудии учат, помимо всего прочего, применительно к тридцатым годам XX века почему не удивляться. Допустим, подчиненные И. Д. Кабакова *действительно* не заметили тех вопиющих фактов, которые приведены в письме секретаря обкома. Или не придали им должного значения — в конце концов, «разворот сева» важнее — и не стали *сообщать в обком*. Самое интригующее во всей этой истории то, что сам он о них как-то узнал. Откуда?

У нас нет возможности выяснить источник информации о каждом из примерно двух десятков случаев. Но относительно «группы бродячего монашества из 7 человек» под руководством попа Калашникова все более или менее ясно. Первые аресты в Чернушке были произведены районным отделом НКВД 17 апреля 1937 года. Информация о террористической группе явно поступила из «компетентных органов». Скорее всего, за каждым упомянутым И. Д. Кабаковым фактом стояло недавно возбужденное и явно не законченное следственное дело. Получается, что высокопоставленный партийный функционер (в отсутствии иной информации) буквально «ел с рук» начальника УНКВД Свердловской области комиссара ГБ III ранга Д. М. Дмитриева.

Директивное письмо Кабакова относится к тому массиву типологически разнородных (докладные записки, газетные публикации, материалы судебных процессов и т. п.), но тождественных по со-

держанию источников, на основании которых делается вывод о росте активности духовенства и сектантов накануне Большого террора. Это, по мнению ряда авторов, и стало одной из главных причин включения этой категории репрессируемых в оперативный приказ НКВД № 00 447: «На февральско-мартовском пленуме ЦК слышались многочисленные жалобы секретарей обкомов, подкрепленные сообщениями НКВД, на усиленную религиозную активность, направленную против выборов в Верховный Совет, против переписи и нового аграрного строя... Борьба против "контрреволюционной деятельности" была вверена НКВД»⁴.

Поскольку один из террористов, якобы мобилизованных церковниками для организации крушений поездов с членами советского правительства (П. Севастьянов), впоследствии был явно дисквалифицирован психиатрической экспертизой, имеет смысл предпринять микроисторическую реконструкцию событий в Чернушке. Это позволит увидеть, во-первых, фрагмент повседневной жизни «церковников» в 1936–1937 годах. Во-вторых, возможно удастся если не решить, то хотя обозначить вопрос: отражает ли тезис об активизации церковников и сектантов (которых будет затем «оперировать» НКВД) какую-либо реальность, или сама эта активизация — плод конструирования руководства УНКВД Свердловской области (призваный обосновать необходимость операции).

Пастораль

Чернушка находится прямо на границе с Башкирией. Райцентр — крупная железнодорожная станция, вокруг которой расположены целый куст сел и деревень: Рябки, Ананьево, Тауш, Верхняя Кига, Караморка, Ключи. Лес здесь растет небольшими островками, преобладают открытые пространства. Край, издревле населенный и обжитой, села старые, каждое — в прошлом центр церковного прихода. Неподалеку — Капканский монастырь, закрытый еще в двадцатые годы XX века. В 1936–1937 годах здесь, на юге Пермского края, еще уцелели остатки когда-то сильной церковной организации.

Основной удар по церкви (как и везде) в Чернушинском районе был нанесен годы коллективизации, но закрытие храмов и выгнание сельских батюшек продолжалось и позднее. Так, один из героев нашей истории, священник Василий Евдокимович Савинец, в 1932 году был вынужден оставить место прежней службы. Он перебрался в деревню Верхняя Кига, так как «на старом месте невозможно, совсем задушили налогами»⁵. Но и там он не задержался, и к моменту ареста проживал в деревне Осиновый Ключ, числясь «без определенных занятий (БОЗ)».

Церковь в самой Чернушке оставалась действующей вплоть до 1937 года. В ней служил и исполнял обязанности благочинного

Иосиф Федорович Калашников. К моменту описываемых событий ему исполнилось 39 лет, он был уроженцем этих мест. Родители Калашникова — жители села Ананьево, до революции крестьянствовали и хозяйство имели середняцкое: «посева 3 $\frac{1}{2}$ десятины, а всей земли 18 десятин, дом 1, лошадь, корова, мелкого скота 3 головы»⁶. Семья отличалась набожностью, отец много лет исполнял обязанности церковного старосты.

Несмотря на относительную молодость, о. Иосиф, что называется, «имел биографию». Окончив двухклассное училище, он поступил в электротехническую школу, а в 1918 году, будучи двадцати лет от роду, отправился служить в РККА. В рядах Красной Армии будущий батюшка прошел путь от рядового до командира роты связи и демобилизовался в 1922 году. Еще в пятидесятых годах XX века пожилые жители Чернушки, передопрашиваемые в связи с деятельностью комиссии по реабилитации, рассказывали легенды о его боевых подвигах на фронтах гражданской войны.

Что именно произошло дальше — выяснить не удалось, но к 1925 году Иосиф Федорович становится священником и непримиримым врагом Советской власти, утверждению которой немало способствовал ранее. В период с 1925 по 1937 год он арестовывался милицией 9 раз, органами ОГПУ — 1 раз. В 1929 году был осужден на 6 месяцев лишения свободы по 125 ст. УК, в 1932 году — на 5 лет лишения свободы по 62 ст. УК (был освобожден по кассации), и в 1933 году по статье 58-10 особым совещанием коллегии ОГПУ осужден на 2 года ссылки.

Вернувшись из ссылки в 1935 году, Калашников быстро добился у епископа Свердловской епархии (тихоновского, или, как иногда говорят — сергианского направления) Петра Савельева назначения на службу в Чернушку. Там он начал действовать так же, как и до ареста за антисоветскую агитацию. В системе координат, которыми был размечен его жизненный мир, ничего не изменилось: он отказывался принимать в церкви родителей детей, рожденных не в церковном браке и некрещенных, добился открытия храма в селе Ананьево (правда, еще летом 1936 года). Колхоз для него был антимиром, царством антихриста, коммунизм — лжеучением, появление которого предсказано в Апокалипсисе. Исповедуя крестьян, о. Иосиф убедился в том, что те вполне разделяли его взгляды и отношение к Советской власти.

Вокруг себя энергичный благочинный словно пытался развернуть повседневный мир ушедшей эпохи, в котором совершались крестные ходы «в поля», на церковные праздники собирался народ со всей округи, часто ночуя в доме самого Калашникова, после службы пили чай и вели неспешные беседы — о политике, конечно. Дом о. Иосифа стал центром притяжения для священников со всего района — независимо от того, продолжали ли они служить или «были выведены за

штат». Но самой любопытной деталью этой повседневности, по нашему мнению, все-таки являлись колоритные фигуры юродивых.

В орбите влияния Калашникова их три: известный нам Петр Севастьянов, Вениамин Плотников и Степан Луканин. Все они вели по-добрающий статусу бродячий образ жизни, прося милостыню. В своих странствиях (которые можно проследить по протоколам допросов и донесениям агентуры) каждый из них исходил район вдоль и поперек. Их стихия — рыночная площадь, на которой Севастьянов, Луканин и Плотников занимались исконным делом юродивых, которое, как известно, состоит в том, чтобы «ругаться мир». Каков мир — таков и ругань. Предоставим слово Петру Луканину: «...был у Калашникова, он меня накормил и сказал, что молись, но этого мало, делай так, как делает Петр Севастьянов — ругает коммунистов, тебе как слабоумному ничего не будет»⁷.

Хотя официально слабоумным из всей троицы был признан только Севастьянов, об интеллекте Луканина и Плотникова тоже можно умозаключать со всей определенностью. Плотников, например, на первом же допросе сделал такое заявление: «Я убежденный монархист, но я заявляю, что никакой контрреволюционной работой среди населения посещаемых мною деревень я не вел»⁸. О Луканине один из свидетелей сообщал: «У Луканина слабоумия почти совсем нет, и он об этом рассказывал здраво, но он временами от испуга говорить совершенно не может...»⁹

Традиция неприкасаемости юродивых, по-видимому, была еще настолько авторитетна, что поддерживалась, как нам кажется, даже оперуполномоченными Чернушинского райотдела НКВД. По крайней мере, на одного персонажа из упомянутой выше троицы (В. Плотникова) регулярно поступала агентурная информация. Источник «Чернов» (проживающий в деревне Ключи поп Вахрушев Степан Васильевич [фамилия изменена. — А. К.] сообщал о том, что именно Плотников говорил на базарных площадях, причем его первые донесения относились еще к 1934 году. А болтал Плотников лихо. Вот несколько типичных датированных сообщений «Чернова».

20 апреля 1934 года. «Гражданин дер. Этыш Ташкилов Николай рассказывает, что дьякон Плотников Вениамин ходит нищенствует и ведет антисоветскую пропаганду, ведет провокационные слухи о возникновении войны и скором падении Советской власти. Плотников это подкрепляет тем, что якобы Япония на Дальнем Востоке постепенно начинает войну, и что она так или иначе победит» (л. 89).

19 ноября 1934 года. «17/XI — с. г. источник разговаривал с дьяконом Плотниковым в отношении уплаты налогов, где он говорил, что “Что все равно коммунистов налогами не спустишь, раньше они были последними, а теперь их обслуживают”».

16 декабря 1935 года. «К источнику приходил дьякон Плотников 15/XII — с. г. с которым разговорившись, что Архиепископ Глеб Пермский арестован якобы оказался фашистом, на что Плотников сказал, что — “Ничего нет удивительного, я недавно разговаривал с Андреевым Афанасием, он мне рассказал, что состоит в тайной фашистской организации и предложил вступить мне, но я пока воздерживаюсь, боюсь”».

9 февраля 1936 года. «9/P — с. г. дьякон Плотников, встретившись с источником в разговорах снова коснулся фашистской партии, где Плотников заявил, что — “Партия фашистов самая лучшая партия, при ней крестьяне опять будут жить по старому единолично и религия будет свободна. Мне Андреев говорил, что этой коммунистической власти скоро не будет. Далее Плотников указал, что ему Андреев об этом не велел никому не сказывать, за исключением надежных людей. Плотников имеет за границей в Китае брата Плотникова Николая Николаевича”».

19 февраля 1936 года. «Источник 15/P — с. г. встретился с дьяконом Плотниковым, который повторил свой разговор о фашизме и сказал, что не в продолжительном времени управлять государством будет фашистская партия, подпольная работа фашизма идет быстро. Однако на дальнейшие расспросы, откуда ему это известно, он от ответа уклонился»¹⁰.

Подобного рода признания — о фашистской организации на территории Свердловской области и т. п. просто (на всякий случай) хранились в районном отделе НКВД. Никаких мер на протяжении трех лет по отношению к нашим героям не предпринималось. Но однажды этому почти идеаллическому попустительству пришел конец.

Финал

«Во второй половине августа месяца 1936 года Калашников приехал утром в церковь мне сообщил, что в газетах пишут о вскрытом к[онтр]-р[еволюционном] троцкистско-зиновьевском центре, после этого на другой день или на третий я его начал расспрашивать подробности этого дела, и он мне рассказал о их диверсионной террористической деятельности по отношению руководителей Советского правительства и ВКП(б) сказал, что “их действия были правильные, потому что если бы убили Сталина, то могла быть большая перемена и мы тогда бы снова пожили по-старому”»¹¹. Так повествует о начале событий, приведших к трагической развязке, дьякон ананьевской церкви Михаил Иванович Котов.

О. Иосифа невольно увлек миф, сочиненный советской пропагандистской машиной. С ближайшими единомышленниками он стал часто и охотно обсуждать возможные последствия устранения первых лиц государства. Его страстное желание «пожить по-старому»

находило выражение в придумывании способов совершения террористических актов. По-видимому, среди друзей он не раз вербально устранил Сталина и с наслаждением делал предсказания относительно изменения «политической линии».

Беседы о политике (даже в узком кругу) в середине 30-х в любое время могли оказаться смертельно опасными. Обычно в обсуждениях текущих событий принимали участие трое: сам И. Ф. Калашников, а также попы Н. К. Зaborских и В. Е. Савинцев. Но у Николая Константиновича Зaborских был сын Вениамин 27 лет, имевший 6 классов образования (по тем временам — немало) и только что отслуживший срочную в РККА. Именно он, скорее всего, и был автором доноса.

В своих показаниях, данных 19 апреля временному начальнику Чернушинского РО НКВД сержанту ГБ Катаеву, он воспроизвел информацию, которую мог услышать только в приватной беседе и сообщить «куда надо» только лично. Вот она: «В конце декабря 1936 года Калашников в беседе о международном и внутреннем положении касаясь вопроса террора производимого троцкистами-зиновьевцами Калашников говорил: “Их (троцкистов) порядок и установка верна, что путем террора уничтожить верхушку Советской власти, но подход сделали не так — убив Кирова, выказали себя, а надо было убить сначала Сталина, а потом уже низовых и второстепенных руководящих работников ВКП(б), тогда бы большая перемена жизни была внутри страны, я знал как это надо было сделать, и мы тут с Костыревым думали кое-что сделать, он знал когда и какие поезда проходят и кто проезжает из руководителей правительства, надеюсь что и Вы бы от участия в этом деле не отказались бы. Мне же известно, что Костырев работал тогда нарядчиком кондукторских бригад на ст. Чернушка Московско-Казанской железной дороги, который часто посещает Калашникова и настроен также антисоветски и его контрреволюционные высказывания совпадают со взглядами Калашникова, он религиозник”¹² (сохранена орфография и пунктуация оригинала). — А. К.).

Совершенно очевидно, что это и есть та самая версия, которая через УНКВД Свердловской области дошла до И. Д. Кабакова, включая и такую деталь: «Мне известно, что Калашников использует для антисоветской агитации среди населения бродячих церковников»¹³. С этого и началось зачисление юродивого в диверсанты: от агитации до террористических актов оказалось рукой подать. Получилась понятная схема: Калашников — Костырев — диверсии на транспорте — мобильный отряд из семи человек.

Протоколы допросов Ивана Игнатьевича Костырева, работника Московско-Казанской железной дороги, производят самое странное впечатление. Он — ключевая фигура дела, единственное связующее звено между «церковниками» и поездами с членами правительства.

Между тем вот образец показаний и задаваемых арестованному вопросов: «Будучи на ст. Тюрлема, я находился в дер. Тюрлема, где купил яблок около 10 килограмм. Останавливаясь я у гражданки фамилию ее не знаю, по имени Александра, адрес которой я получил от моей матери. Кроме того, я заезжал в гор. Казань, где купил 10 буханок печеного хлеба. Ездил я по разовому билету, который не был ранее использован...

Вопрос: Скупая печеный хлеб, тем самым вы нарушили закон о торговле им и создавали перебои — вы это признаете?¹⁴ Яблоки, печеный хлеб, гражданка Александра — именно так. И никаких литературных составов с Клиром Ворошиловым. Ни слова.

Из троицы юродивых арестованы были Петр Севастьянов и Вениамин Плотников. Почему ограничились только ими — непонятно. На постановлении об избрании меры пресечения Севастьянову имеется виза прокурора: «Арест санкционирую, с немедленным направлением к эксперту специалисту на испытание». Это и определило его судьбу — вердикт психиатров из Перми, диагностировавших глубокое слабоумие, оказался более весомым, чем предписания традиции.

Болтун Плотников прошел по второй категории — как и бывший священник Савинцев.

Над остальными «террористами» из Чернушки учинили жестокую расправу: их дела были рассмотрены тройкой при УНКВД Свердловской области 25 сентября 1937 года. Попы Калашников, Зaborских, дьякон Котов, железнодорожник Костырев и — заодно — беглый тылополченец Зуев (выдававший себя за иподиакона) были приговорены к высшей мере.

Конечно, вся эта история — не что иное, как раздутая сплетня. Но сплетня, грамотно подхваченная, аккуратно обработанная (если не считать ляпа с «официальным идиотом» Севастьяновым), поднятая на ходули и пущенная в оборот в надлежащий момент. Здесь чувствуется уверенная рука Комиссара (так сотрудники УНКВД Свердловской области ласково называли Д. М. Дмитриева). Причем это дело — одно из ряда подобных. 1 апреля 1937 года в поселке Александровск была закрыта церковь, и вскоре капитан ГБ Костин отправился расследовать неслыханное преступление — историю женитьбы тамошнего дьякона на воспитательнице детского сада¹⁵. 27 марта лейтенант ГБ Ф. Мозжерин принял к исполнению дело бывших труднополченцев-поповичей с недвусмысленным указанием: придать ему шпионско-диверсионную направленность¹⁶.

Подведем итог, пусть и не претендующий на универсальность и всеобщность. В Свердловской области повышенная активность церковников и сектантов, вероятно, наблюдалась постольку, поскольку в этом был заинтересован наблюдатель, он же — единственный источ-

ник обработанных, стилизованных, фальсифицированных сведений о ней: аппарат Управления НКВД Свердловской области. Пройдя по партийным каналам, поданный сигнал тревоги возвращался к источнику (НКВД) в виде санкций на чрезвычайные меры, которая затем использовалась с максимальным эффектом.

Примечания

- ¹ Детали биографии террориста Севастьянова, его внешний облик и умственное развитие реконструированы на основе данных, содержащихся в справке от 9 мая 1937 года из Ряжковской больницы Чернушинского района: «Севастьянов Петр Васильевич находился в б/це с 13/IV по 3/V – 37 г. с обморожением пальцев обеих нижних конечностей. Наблюдение над больным показало, что больной действительно слабоумен... Врач Н. Кузинцов», в справке от 8 мая 1937 года из Чернушинской амбулатории, в акте освидетельствования Севастьянова П. В. в Судебном отделении Пермской психбольницы от 8 июля 1937 года: «Мы нажеподписавшиеся освидетельствовали 8/VII-37 г. в Судебном отделении Пермской психбольницы Севастьянова Петра Васильевича, обвиняемого по ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР и направленного Свердловской тюрьмой по постановлению Чернушинского РО НКВД от 14/VI-37 г. При объективном обследовании оказалось: Диспластическое телосложение, умеренное питание, живут вздут, значительное выступление на черепе лобных бугров [...] Дермографизм розовый не стойкий, мышечный валик выражен, носогубные складки сложены. Речь плохо развита. Со стороны психики: сознание ясное, ориентирован в месте и окружающем, во времени не разбирается, не знает числа и месяца, счисления даже в пределах первых 10 натуральных чисел не знает, запас представлений крайне ограничен. В поведении спокоен, добродушно улыбается при разговоре. На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что: Севастьянов П. В. обнаруживает врожденное умственное недоразвитие (слабоумие в глубокой степени) и за свои действия не ответствен... Члены комиссии: Д-р Вергейм. Д-р Старицин», и в протоколе допроса Севастьянова от 8 мая 1937 года: «В детстве, как мне рассказывала мать, что мой отец будучи пьяный во время ее избиения выбросил якобы, меня из качалки на улицу через окно, с того времени у меня получается некоторая ограниченность». См.: ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13 385. Т. 2. Л. 48–54.
- ² ПермГАНИ. Ф. 970. Оп. 3. Д. 118. Л. 76.
- ³ Там же. Л. 80.
- ⁴ Юнг М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00 447. М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. С. 29.
- ⁵ Меморандум на Савинцева В. Е. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13 385. Т. 1. Л. 91–93.
- ⁶ Анкета арестованного Калашникова И. Ф. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13 385. Т. 2. Л. 14.
- ⁷ Показания свидетеля Заборских В. Н. от 19 апреля 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13 385. Т. 1. Л. 31 об.
- ⁸ Показания Плотникова В. Н. от 8 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13 385. Т. 1. Л. 14.
- ⁹ Показания свидетеля Заборских В. Н. от 19 апреля 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13 385. Т. 1. Л. 31 об.
- ¹⁰ Меморандум на Плотникова В. Н. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13 385. Т. 1. Л. 89 – 90.
- ¹¹ Показания дьякона Котова М. И. от 2 июня 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13 385. Т. 1. Л. 27.
- ¹² Показания свидетеля Заборских В. Н. от 19 апреля 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13 385. Т. 1. Л. 30–30 об.
- ¹³ Там же. Л. 31.
- ¹⁴ Показания Костырева И. И. от 10 мая 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13 385. Т. 2. Л. 68 об.
- ¹⁵ См.: Казанков А. И. Дело о «черной свадьбе» // «...Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–38 гг. / сост. О. Л. Лейбович, А. И. Казанков, А. Н. Кабацков. Пермь, 2006. С. 171–181.
- ¹⁶ См.: Казанков А. И. Дело «Общества трудового духовенства» // «...Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–38 гг. / сост. О. Л. Лейбович, А. И. Казанков, А. Н. Кабацков. Пермь, 2006. С. 295–322.